

Нилус Сергей Александрович

СВЯТЫНЯ ПОД СПУДОМ

**Тайна православного монашеского
духа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Александрович Н.**
Святыня под спудом: Тайна православного монашеского духа / Нилус Сергей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 236 с.

ISBN 978-5-519-99857-4

ISBN 978-5-519-99857-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1845 годъ.

13 Мая.

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй грѣшнаго раба твоего, іеродіакона Евфимія! Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго!

Уединеніе.

— „Скажи мнѣ“,—спросилъ нѣкто своего, уже углубившагося въ благочестіе, друга: „отчего иные любятъ уединеніе и ищутъ его, а другіе не терпятъ и отъ него убѣгають? Къ одному и тому же такое противоположное расположеніе въ людяхъ—откуда оно“?

— „Когда нѣтъ вокругъ тебя шума“, отвѣчалъ онъ: „тебѣ слышно, если кто, хотя бы и тихо стучится къ тебѣ въ дверь. Потому, если ты ждешь въ уединеніи къ себѣ друга, или благодѣтеля, то всячески, желаешь освободиться отъ шума, чтобы въ тишинѣ уловить первое его прикосновеніе къ твоей двери и спѣшить къ нему навстрѣчу. А если недруга, или грознаго судію ждешь ты, то желалъ бы, чтобы шумомъ тебѣ заглушили несносный тотъ стукъ. Но Самъ Богъ изрекъ однажды вслухъ всего человѣчества: „се стою при дверяхъ и толку“ (Ап. III, 20). Поэтому, для кого Богъ есть Богъ любви, и кто самъ любитъ Его, тотъ бѣжитъ отъ шума суеты мірской въ уединеніе: тамъ, когда святая, таинственная тишина осѣняетъ и объемлетъ его, ему слышно, какъ ударяетъ въ двери сердца его Богъ любви.

Напротивъ, кто въ совѣсти своей сознаетъ, хотя бы незримо и не слышно для его разума, что Богъ для него есть Богъ суда, и кто не любитъ Его,—тотъ бѣжитъ изъ уединенія, чтобы шумомъ свѣта заглушить несносные удары перста Божія. Когда чувства его заглушаются быстрымъ движеніемъ вещей мірскихъ, когда разумъ омрачается чашею удовольствій свѣта: ему не слышно, какъ стучится въ двери сердца его грозный Судія Богъ, или тяжкій посѣтитель—пробуждающаяся совѣсть“.

Наказаніе за самочиніе, въ ночь подъ 1-е августа приключившееся.

На монастырской рыбной ловлѣ, что по контракту по рѣкѣ Жиздрѣ и въ озерахъ казеннаго лѣса противъ села Полоникова, находились монахи Аѳанасій, послушникъ Алексѣй Ивановъ (съ давняго времени на рыбномъ послушаніи) и нѣсколько чело-вѣкъ рабочихъ. По разнымъ случаямъ, а болѣе чтобы не терять времени напрасно, воспрещено имъ было отцомъ игуменомъ выбирать медъ и огребать пчелъ изъ дубовъ, попадавшихъ имъ нечаянно въ казенномъ лѣсу. Въ ночь подъ 1-е Августа, трое—монахъ Аѳанасій, послушникъ Алексѣй и одинъ рабочий,—выбравши въ глуши лѣса, вверху дуба, медъ, захотѣли огрести и пчелъ. Алексѣй предчувствовалъ бѣду и не соглашался, но, нуждаемый Аѳанасіемъ, влѣзъ съ работникомъ на дерево. Вдругъ Алексѣй оступился и полетѣлъ съ верха дуба на землю и весь разбился: переломилъ челюсти, позвоночникъ и поранилъ себя топоромъ, который у него былъ за поясомъ. Кромѣ рукъ, у него все онемѣло. Живой мертвецъ!.. Печаль настоятелю и братіи, а монаху Аѳанасію—язва по гробъ...

13-го Октября, пополудни въ 3-мъ часу, скончаться послушникъ Алексѣй Ивановъ, страдавшій съ 1-го Августа жестокою болѣзною отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ дерева. Все время, болѣе 17-ти лѣтъ, онъ трудился въ послушаніи при монастырской рыбной ловлѣ, въ простотѣ сердца. Грамотъ не ученъ; послушливъ и уступчивъ всякому. Промучившись въ жестокихъ страданіяхъ съ 1-го Августа по 13-е Октября, живой мертвецъ, онъ питался только теплотою или жидкимъ киселемъ, а за 8 дней до смерти онъ и того не могъ принимать въ пищу. Часто приобщался Святыхъ Таинъ, былъ особорованъ св. елеемъ и терпѣлъ свои страданія благодушно, съ самоукореніемъ.

12-го Октября онъ крайне изнемогъ и пополудни приобщился св. Таинъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е, часу въ двѣнадцатомъ, онъ тихо подозвалъ къ себѣ больничнаго послушника, Іону, и прошепталъ въ восторгѣ:

— „Смотри-ка, братъ: вонъ, пришли три Ангела! Какіе хорошіе! Ахъ, какъ мнѣ весело и радостно, что они пришли!“

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять подозвалъ Іону, охватилъ его руками и опять въ восторгѣ шепталъ ему:

— „Смотри-ка, смотри-ка, братъ: вонъ, идутъ два митрополита!“

— „Какъ ихъ звать?“—спросилъ Іона.

— „Не знаю, братъ, какъ звать-то!“—отвѣчалъ больной въ восхищеніи.

.....13-го Октября, во время ранней Литургіи, Алексѣй прича-

стился еще разъ св. Таинъ, а въ 3-мъ часу пополудни скончался тихо, въ надеждѣ Божіей милости за претерпѣніе болѣзни.

Отъ роду ему было около 40 лѣтъ; росту средняго; свѣтло-русый. Погребенъ 15-го, въ понедѣльникъ.

25 Октября.

Отправленъ изъ монастыря указомъ по назначенію въ Харьковъ, къ начальнику тамошней губерніи, бывшій іеромонахъ Грекоунитскаго обряда, Флавіанъ Лисовскій. Къ намъ въ монастырь былъ присланъ по распоряженію Св. Синода 12 Іюля 1842 года изъ Загоровскаго монастыря Волынской епархіи для продолженія увѣщанія къ разсѣянію его заблужденій и возвращенію въ Православіе.

Проживъ въ монастырѣ нашемъ 3 года и 2½ мѣсяца, Флавіанъ Лисовскій оказывалъ наружное повиновеніе настоятелю; къ братіи относился услужливо, оказывалъ ревность во внѣшнихъ добродѣтеляхъ, твердость, но только не въ уніи, а въ католичествѣ; приверженность же свою къ папѣ римскому онъ доводилъ до обожанія. При увѣщаніяхъ, онъ говорилъ, что готовъ былъ бы присоединиться къ Православію, но боится трехъ страшныхъ присягъ, данныхъ имъ папѣ. По дѣламъ же Лисовскаго внослѣдствіи обнаружилось одно притворство и іезуитскіе приемы привлечь кого-либо къ своему католическому мудрованію. Флавіанъ болѣе всего старался обольстить кого-либо изъ простодушныхъ и немощныхъ, но Человѣколюбивый Господь покрывалъ ихъ Своею благодатію.

Однажды, живущій въ сосѣдней съ Флавіаномъ кельѣ рясофорный монахъ, Георгій, полуграмотный, простосердечный и престарѣлый, услыхавъ отъ Флавіана противное Церкви мудрованіе о Пресвятой Богородицѣ, началъ вечернее свое правило въ кельѣ свбей одинъ и подумалъ:

— „А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ правильнѣе вѣруетъ Флавіанъ: вѣдь, онъ и живетъ честно!“

При этой мысли Георгій вдругъ оцѣпенѣлъ и не только не могъ продолжать своего правила, но и поворотиться не могъ. Испугавшись, онъ тутъ же упрекнулъ себя мысленно въ согласіи съ Флавіаномъ и воскликнулъ со слезами:

— „О, Пречистая Дѣво Богородице! Согрѣшихъ азъ предъ Тобою: помилуй мя грѣшнаго!“

И палъ на колѣни предъ иконой. Оцѣпенѣнія какъ не бывало, и онъ окончилъ правило.

Попутру онъ объяснилъ все духовнику, а духовникъ посовѣтовалъ ему не имѣть общенія съ Флавіаномъ.

Въ присланномъ послужномъ спискѣ Флавіана, въ графѣ—

„какихъ качествъ и способностей“—отмѣчено: „корыстолюбивъ; особенныхъ способностей не имѣетъ, только—къ Богослуженію, но и того по упрямству не совершалъ“.

Таково воспитаніе папистовъ!

Флавіанъ Лисовскій росту высокаго, плотнаго тѣлосложенія; 50 лѣтъ отъ роду; иногда веселый; но крайне безобразенъ отъ стриженія на головѣ волосъ до-гола и бритья бороды...

„Ева. Дѣва“.

„Два слова, сходныя по звуку, смысломъ разнымъ

„Напоминаютъ намъ:

„Какимъ мы счастьемъ, какимъ и зломъ ужаснымъ

„Обязаны женамъ!

„Намъ Ева смерть внесла, Марія—жизнь отъ древа:

„Что отняла жена, то возвратила Дѣва“.

(Изъ книги „О Крестѣ“)

О недостаткѣ вѣры въ міръ.

„Сынъ Человѣческій придетъ обрящетъ ли вѣру на земли?“

Если придетъ Онъ нынѣ, найдетъ ли Онъ въ насъ вѣру? Гдѣ наша вѣра? Гдѣ признаки ея? Думаемъ ли мы, что настоящая жизнь есть только краткій переходъ къ жизни лучшей? Помнимъ ли мы, что прежде должны страдать съ Иисусомъ Христомъ, чтобы послѣ царствовать вмѣстѣ съ Нимъ? Почитаемъ ли мы міръ сей только обманчивымъ призракомъ, а смерть — переходомъ къ истинному вѣчному блаженству? Нѣтъ, мы не живемъ вѣрою, она не одушевляетъ насъ! Наше сердце не чувствуетъ важности и силы вѣчныхъ истинъ, которыя она предлагаетъ намъ. Мы не питаемъ души своей духовною пищею съ такою же заботливостью, съ какою питаемъ тѣло свое пищею тѣлесною. Мы еще не умѣемъ смотрѣть на всѣ вещи міра сего очами вѣры. Мы не заботимся одушевлять вѣрою всѣ наши мысли, чувствованія и желанія. Мы ежеминутно заграждаемъ ей входъ въ сердце наше. Мы и думаемъ обо всемъ и поступаемъ всегда, какъ язычники. Человѣкъ, имѣющій вѣру, сталъ ли бы жить, какъ мы живемъ?

Будемъ опасаться, чтобы Царствіе Божіе не было отнято у насъ и дано тѣмъ, которые будутъ приносить плоды лучше нашихъ. Царствіе Божіе есть вѣра, одушевляющая человѣка. Счастливы тѣ, кто имѣетъ духовное зрѣніе видѣть въ себѣ Царствіе это! Плоть и кровь неспособны къ тому: мудрость человека плотскаго слѣпа въ этомъ случаѣ; для нея дѣйствія Бога въ душѣ человека—мечта и сновидѣніе. Чтобы видѣть чудеса

внутренняго Царствія, должно умереть внѣшнему человѣку. И это-то кажется міру нелѣпымъ!.. Но пусть міръ презираетъ, пусть осуждаетъ Божественное ученіе о необходимости возрожденія, — мы, по заповѣди Господа, должны вѣрить Ему, дабы быть сынами Божиими и вкушать сладость небесныхъ даровъ...

Но, Боже милостивый, во что же Ты допускаешь обратиться міру съ его беззаконіями, съ безвѣріемъ его!..

„Не страшно умереть!..

Да, правда:

„Мы съ смертію свыклися въ нашъ вѣкъ.

„Но не посмертная награда,

„Не то, чѣмъ высшій человѣкъ

„Мечту о смерти услаждаетъ,

„Насъ съ душнымъ гробомъ примиряетъ —

„Намъ ничего за гробомъ нѣтъ,

„Намъ, просто, опротивѣлъ свѣтъ!

„Намъ надоѣло жизни бремя,

„Наскутилъ жизненный парадъ.

„Мы обыграть хотѣли время, —

„И каждый проигралъ закладъ...

„Мы разгадали всѣ загадки,

„Всѣ тайны сорвали съ земли:

„И стали низки мы и гадки

„Предъ окомъ собственной души.

„Ужасный вѣкъ! Что онъ постигалъ!

„Какую будущность взростилъ!

„Какую силу съ сердца свѣялъ,

„Какую жизнь въ насъ погубилъ!

„Нѣтъ больше юности безнечной

„Съ ея мечтательной душой,

„Съ ея невинностью сердечной,

„Съ ея душевной простотой.

„Намъ нынѣ тѣсно съ колыбели;

„Мы рвемся къ гробу поскорѣй:

„Мы, не дозрѣвъ, ужъ перерѣли

„Въ огнѣ безвременныхъ страстей.

„Намъ ужъ смѣшно почти, намъ стыдно

„Невиннымъ быть въ пятнадцать лѣтъ,

„Еще хранить свой дѣтскій цвѣтъ...

„Какъ ядовитыя ехидны,

„Впились мы съ первыхъ лѣтъ въ себя:

„Здоровье, силы, красота —

„Заранѣ все обито ядомъ;

„Заранѣ жизнь облита хладомъ;

„Еще пухъ дѣтства на устахъ—
„Ужъ пресыщеніе въ глазахъ;
„Ужъ опытъ выѣлъ прелесть жизни,
„Разбилъ цвѣтной ея кумиръ,
„Какъ насмоленный факель тризны,
„Покрылъ онъ чадомъ цѣлый міръ...
„Ужъ все отвергнуто. Всѣ цѣли,
„Всѣ блага отцвѣсти успѣли:
„Зима—среди лучшихъ дней весны!
„Въ пятнадцать лѣтъ мы—старики!
„А тамъ: какъ царь между рабами,
„Въ сердцахъ матерія одна
„Своими грязными цѣнями
„Всѣ страсти міра обвила,
„Размежевала жизнь, какъ поле,
„Изъ нужды слила для насъ кумиръ
„И погребла въ своей неволѣ:
„Разсчесть убилъ духовный міръ!
„И стало все добычей злата;
„Разсудокъ на всѣхъ продаютъ;
„Наука—путь къ сѣтямъ разврата;
„Искусство молотомъ куютъ.
„И нѣтъ ни чувствъ высокихъ, смѣлыхъ,
„Ни славныхъ замысловъ въ груди,
„Въ огнѣ терпѣнія созрѣлыхъ,
„Взрожденныхъ крѣпостью души.
„Нѣтъ больше мѣста имъ!... Надменно
„Пытая счастье и судьбу,
„Мы дали волю лишь уму;
„Мы жаждемъ слышать непремѣнно
„Его разсчетливый отвѣтъ.
„А сердце? Сердцу вѣры нѣтъ!
„Долой съ души всѣ украшения!
„Какъ съ лика Божьяго серебро,
„Мы все расхитили съ нея
„И—промотали!... И, въ забвены,
„Скелеты голые душой
„Бредемъ по тернію сомнѣнья,
„Гордяся нашей наготой.
„Страшимся чувству дать свободу;
„Какъ мертвецы въ своихъ гробахъ,
„Питаемъ тлѣніемъ природу
„И точимъ ядъ земной и прахъ.
„Нѣтъ больше ближняго!...

Все пало,
 „Все сочтено, все рѣшено!
 „Самихъ себя уже намъ мало;
 „Въ другихъ нѣтъ больше ничего.
 „Въ грядущемъ—голая равнина;
 „Въ быломъ—сожженная пустыня
 „Да пепелъ рушенныхъ надеждъ:
 „Все отцвѣло, все измѣнило—
 „И не страшна теперь могила!...
 „Какъ на смерть раненый атлетъ,
 „Нашъ эгоизмъ голодный бродить
 „И ничего ужъ не находить:
 „Что было,—въ юности пожрать,
 „Что есть,—державный опытъ взять!...

 „Нѣтъ, други, нѣтъ! Не сынъ я вѣка!
 „Я съ вами въ этотъ вѣкъ вступилъ,
 „Но вмѣстѣ съ жизнью человѣка
 „Я жизнь иную получилъ.
 „Я также былъ въ его служеньи,
 „Я также несъ его ярмо
 „И, полный думы и сомнѣнья,
 „Клонилъ задумчиво чело...
 „Теперь прочь дума! Чистый, ясный
 „Мнѣ въ душу влился новый свѣтъ,
 „И умъ, товарищъ мой опасный,
 „Увидѣлъ радостный разсвѣтъ.
 „Тоска разсыпалась мечтами,
 „И пала съ сердца чешуя,
 „И жизнь волшебными крылами
 „Мнѣ снова душу обвила.
 „Нѣтъ, страшно умереть!... Туманенъ
 „Въ очахъ грѣха загробный путь,
 „Тотъ странный путь, гдѣ каждый равенъ,
 „Гдѣ вѣчный сонъ не дастъ заснуть.
 „Отчетъ прямой, отчетъ ужасный
 „Готовить небу сынъ утратъ,
 „И гробъ, нашъ проводникъ безгласный,
 „Ведетъ и въ рай и... въ вѣчный адъ“...

Іюнь, 1848-й годъ.

Съ наступленіемъ 1848 года настали въ Европѣ бѣдствія почти повсемѣстно. Во Франціи 24 Февраля—революція, ниспроверженіе законной власти, республика. Отъ Франціи разлился

сей адскій потокъ въ смежныя земли, кромѣ Россіи: вездѣ мятежи, нестроенія... Въ Россіи: холера, засуха, пожары. 26-го Мая, въ среду, въ 12-мъ часу дня загорѣлся губернскій городъ Орелъ; сгорѣло 2800 домовъ; на водѣ барки сдѣлались добычею огня. Потомъ сгорѣло: въ Ельцѣ—1300 домовъ, во Мценскѣ, Ливнахъ, Курскѣ и во многихъ другихъ городахъ—великое множество.

Къ нашему старцу пишетъ о. игуменъ Антоній Б. ¹⁾: „благодарю о. Іоанна“—(это нашъ скитскій іеросхимонахъ изъ бывшихъ раскольниковъ)—„что меня вспомнилъ и потрудились написать нѣсколько строчекъ. Кажется, теперь и раскольникамъ, и православнымъ слѣдуетъ подумывать не о личныхъ своихъ дѣлахъ, а о грядущемъ Божиѣмъ гнѣвѣ на всѣхъ, который можетъ, яко сѣтъ, захватить всѣхъ живущихъ на землѣ. Революція во Франціи не есть частное зло, а только воспламененіе тѣхъ подкоповъ, которые подведены подъ всю землю, особливо—Европейскую, яко хранительницу просвѣщенія и духовнаго, и мірскаго. Теперь страшенъ намъ уже не расколъ, а общее европейское безбожіе. Времена язычниковъ едва ли не оканчиваются. Всѣ европейскіе ученые теперь празднуютъ освобожденіе мысли человѣческой отъ узъ страха и покорности заповѣдямъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ этотъ родъ XIX вѣка, сбрасывающій съ себя оковы властей и начальствъ, и приличій, и обычаевъ? Посмотримъ, каковъ будетъ этотъ новый Адамъ въ 48 лѣтъ, который теперь возрождается изъ Европейской благородной земли? Какова будетъ эта зловѣщая птица, высиженная изъ гнѣзда парижскаго? Это яйцо давно положено. Оно еще въ 1790-хъ годахъ согрѣвалось, и вылупившійся Наполеонъ, хотя и обжегъ себѣ крылья на пожарѣ московскомъ, и, какъ будто, мы вмѣстѣ съ нимъ простились и съ войной, и съ общими потрясеніями; но, видно, это былъ только одинъ болтунъ, а настоящій высидокъ явится въ наше преблагополучное время, во дни мира и утвержденія. Если восторжествуетъ свободная Европа и сломишь послѣдній оплотъ—Россію, то, чего намъ ждать—посудите!... Я не смѣю угадывать, но только прошу премилосердаго Бога, да не узритъ душа моя грядущаго царства тьмы“.

24 Іюня.

Четвертокъ. Праздникъ въ Скиту Рождества св. Іоанна Предтечи. Полудни въ 3 часа въ четвертомъ зашла страшная туча съ молніями и громами съ юга-запада при 20° тепла. Она разрази-

¹⁾ Бочковъ. Въпослѣдствіи настоятель Черемнецкаго монастыря Петербургской епархіи.

лась страшною бурей съ проливнымъ дождемъ и градомъ. Отъ этой тучи во многихъ мѣстахъ Козельскаго уѣзда произошли разрушенія, въ особенности же въ нашемъ монастырѣ. На церк-вахъ—Казанской и Больничной—разломало на части желѣзную крышу, сорвало кресты; на колокольнѣ поколебало главу со шпилемъ и вырвало кровельный листъ; на корпусахъ—трапез-номъ и братскомъ, что возлѣ колокольни, и на казначейскомъ—повредило желѣзныя крыши; во многихъ другихъ мѣстахъ по-вредило черепичныя крыши и изгороди; поломало множество садовыхъ, плодовыхъ деревьевъ. Въ Скиту упавшею сосной по-вредило башню что на конномъ дворѣ, а съ юго западной сто-роны тоже упавшею сосною разбило два каменныхъ столба въ скитской оградѣ. А въ монастырскомъ лѣсу поломало и вырвало съ корнемъ до двухъ тысячъ самыхъ толстыхъ сосенъ... Страш-ная буря! Никто не запомнитъ такой!

По поводу этой бури старецъ сказалъ:

— „Это знаменіе гнѣва Божія на отступническій міръ. Нача-лось съ Европы, доходитъ и до насъ. Приблизилось время, пред-указанное Откровеніемъ. Мы то не доживемъ, ну, а правнуки наши узрятъ пришествіе Господа въ славѣ.

Господи помилуй!... А дѣйствительно, тяжело стало жить нынѣ современному человѣку. Не отъ добра жизни пишутъ люди такъ, какъ пишетъ въ своемъ стихотвореніи архимандритъ Игнатій (Брянчаниновъ). Вотъ стихи эти:

„Убили сердце“...

„Здѣсь все мнѣ враждебно, все смерти тлетворнымъ дыханіемъ
дышетъ:

„Пронзительный вѣтеръ, тяжелыя воды, пары изъ болота,

„Измѣны погоды и вѣчно пахмуро—грозящее небо.

„Какъ блѣденъ лучъ солнечный, Бельта повитый туманомъ и
мглою!

„Не грѣетъ онъ,—жжетъ!... Не люблю, не люблю я сіянья безъ
жизни!...

„Сраженъ я недугомъ, окованъ какъ цѣпью, къ одру имъ при-
кованъ,

„Имъ въ келліи запертъ. Затворникъ невольный, влачу дни ко
гробу.

„А сердце мое?... Ахъ! убили его!... Оно жило доселѣ,

„Страданьями жило, но жило. Теперь — тишина въ немъ мо-
гилы.

„Его отверзалъ я съ любовью и вѣрой открытой всѣмъ ближ-
нимъ.

- „Вонзали мнѣ въ сердце кинжалы; и были кинжалы наградой
 „За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную въ
 жертву!...
 „Уйду я, убитый, уйду отъ людей я въ безвѣстность пустыни!...
 „Я вижу, что людямъ пріятно и нужно: имъ нужны лесть, под-
 лость,
 „Тщеславіе, чуждое истинной славы. Забыли, что слава — отъ
 Бога,
 „Отъ совѣсти чистой. Но Богъ имъ не нуженъ, и совѣсть имъ —
 бремя;
 „Не нужны имъ въ слуги наперсники правды съ общественной
 пользы желаньемъ:
 „Имъ нужны рабы—орудья ихъ воли развратной...
 „Уйду отъ людей и въ глубокой пустынѣ предамся рыданьямъ:
 „Тамъ въ пищу мнѣ будутъ лишь стоны, а слезы — напит-
 комъ.
 „Оплачу себя, мое сердце убитое, міръ, въ зло погруженный,—
 „И сниду въ могилу печальный, въ надеждѣ отрады на небѣ“.

Объ узкомъ пути ко спасенію.

26 *Юня*. Съ трудомъ можно входить въ Царствіе Божіе: его должно восхитать „нуждею“, его должно брать силою, какъ осаждаемый городъ. Врата въ Царствіе Божіе тѣсны. Чтобы войти въ нихъ, должно стѣснить и подвергнуть мученію грѣховное тѣло; должно унизиться, смириться и сдѣлаться малымъ. Широкия врата, которыми идетъ большая часть людей, и которыя совершенно отворены, ведутъ къ гибели. Посему не должно входить во врата сіи. Когда міръ оказываетъ намъ свое благоволеніе и расположеніе, когда путь жизни нашей не представляетъ намъ никакихъ неудовольствій, когда „добрѣ рекутъ о насъ вси челоувѣцы“, то—горе намъ! Къ будущей жизни мы тогда только бываемъ болѣе способны, когда въ жизни настоящей обременяютъ насъ многочисленныя бѣдствія. Итакъ, не будемъ слѣдовать за большею частію людей, которые ходятъ по путямъ широкимъ и удобнымъ. Должно идти по стѣдамъ малаго числа избранныхъ, по пути святыхъ, по трудной стезѣ самоотверженія. Путь къ небу должно пролагать между скалами несчастій этой жизни и вѣдѣть помнить, что послѣдній шагъ жизни требуетъ самаго великаго усердія войти въ тѣсныя врата вѣчности. Вотъ что пишетъ объ этомъ послѣднемъ шагѣ въ вѣчность—„о брани въ часъ смертный“—Аѳонскій Іеромонахъ Макарій:

„День особенной духовной брани въ насъ есть день смерти.